

Петръ Великій и шведскіе послы въ 1699 году.

Въ шведскомъ Государственномъ Архивѣ въ отдѣлѣ *Muscovitica* хранится большой томъ in-folio въ 1444 страницы: „Протоколъ то, что произошло съ Королев. шведскимъ Посольствомъ, отправленнымъ въ 1699 году въ Россію“. (*Protokol af det, som vid den till Ryssland år 1699 affärdade Kongl. svänske ambassaden förelupit är*).

Извлечение отсюда напечатано г. Т. W. въ шведск. истор. журналѣ *Historisk Tidskrift* 1908 г. подъ заголовкомъ: „Царь Петръ, какъ хозяинъ и какъ гость“ (*Tsar Peter som värd och som gäst*). Орѳографія приводимыхъ подлинныхъ текстовъ нѣсколько приспособлена г. Т. W. къ современной шведской, что въ связи съ печатнымъ текстомъ очень облегчаетъ мой трудъ, какъ переводчика—чтеніе подлинныхъ шведскихъ рукописныхъ документовъ 17 и 18 столѣтій довольно таки затруднительно для непривычнаго человѣка.

Въ письмѣ къ царю отъ 16 авг. 1698 Карлъ XII сообщилъ о своемъ намѣреніи для поддержанія вѣчнаго мира съ Россіей, согласно § 27 Кардисскаго договора, послать, въ качествѣ вступающаго на престолъ правителя, посольство для подтвержденія договоровъ въ Кардисѣ 1661 года, въ Плюсѣ, 1666 и конвенціи въ Москвѣ 1684 г. 29-го октября 1698 г. были назначены члены этого посольства: гофканцлеръ баронъ Юганъ Бергенъельмъ, которому тогда шелъ 70-й годъ, въ качествѣ перваго посла; ландсхѳдингъ въ Выборгскомъ, Нюслотскомъ и Кюмменегордскомъ лѣнахъ и комендантъ Выборгскаго замка баронъ Андерсъ Линдъельмъ, какъ второй посланникъ, и въ качествѣ третьяго—секретарь его королевскаго величества канцеляріи и ассесоръ въ шведскомъ высшемъ судѣ Самуэль Гѣте.

1-го февр. 1699 г. была приготовлена инструкція имъ, и въ томъ же мѣсяцѣ Бергенъельмъ и Гёте отправились въ путь, вокругъ Ботническаго залива черезъ Улеоборгъ, Иденсальми и Куопіо въ Выборгъ, гдѣ Линдъельмъ ожидалъ своихъ коллегъ, прибывшихъ туда къ 21 марта. Отсюда поѣхали черезъ Финскій заливъ, ледъ котораго еще держалъ, въ Копорье и Нарву. По дорогѣ къ нимъ присоединился 26 марта переводчикъ Густавъ Солданъ. 26-го мая послы выѣхали изъ Нарвы и 26-го іюля торжественно въѣхали въ Москву черезъ Никольскія ворота во время ужаснаго пожара. Квартира посольству была отведена въ Ростовскомъ домѣ въ Китай-городѣ, но въ полночь пришлось среди пламени перебраться въ домъ одного купца изъ Нарвы въ Нѣмецкой Слободѣ, а свитѣ пришлось расположиться подъ открытымъ небомъ. 6 августа послы могли снова перебраться въ Ростовскій домъ, гдѣ они постарались восполнить скудную мебелировку „коврами Его Величества и небомъ“ и привезеннымъ съ собою большимъ портретомъ въ золотой рамѣ Карла XII-го, поставивъ его на почетное мѣсто въ залѣ. (Портретъ этотъ остался въ Москвѣ, т. к. царь выразилъ желаніе имѣть его, и послы при отъѣздѣ поднесли его въ подарокъ).

Посольство оказалось вынужденнымъ на продолжительное бездѣйствіе. царь находился въ Азовѣ и вернулся въ Москву лишь 27 сентября. Наконецъ, 13 октября онъ принялъ пословъ въ торжественной аудіенціи. Они пріѣхали на нее въ собственной парадной каретѣ царя, которая нѣкогда принадлежала шведскому послу Лиліенроту на Рисвикскомъ конгрессѣ, была куплена Генеральными Штатами и поднесена въ даръ царю во время посѣщенія имъ Голландіи. Подарки короля Карла несли 140 солдатъ; царь принялъ ихъ съ удовольствіемъ и не могъ удержаться, когда мимо несли серебряную группу, кружку, изображающую бога вина, поддерживаемаго амурами, и за ней лохань, чтобы не показать на это, говоря, смѣясь: „Si, Bacchus!“ Уже на слѣдующій день начались засѣданія, при чемъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, въ это время всецѣло завѣдывавшій у Царя всѣми вопросами иностранной политики, былъ представителемъ Россіи. Во время переговоровъ наблюдалась нѣкоторая натянутость; между прочимъ, съ русской стороны жаловались на недостойное обращеніе съ царемъ въ Ригѣ, когда онъ сопровождалъ инкогнито великое русское посольство, и также на прибытіе шведскихъ пословъ въ Москву во время отсутствія царя. Положеніе пословъ стало

еще мучительнѣе, когда ихъ завѣдующій хозяйствомъ (marskalk) маіоръ Якобъ Ранкъ 16 октября тяжело ранилъ бранденбургскаго резидента Цезельскаго (Cieselski) во время встрѣчи съ нимъ у шведскаго комиссара Книпера на Шведскомъ Дворѣ, что чрезвычайно разсердило царя. Шведское посольство въ теченіе нѣсколькихъ часовъ было заперто въ его квартирѣ двумя эскадронами драгунъ, потому что думали, что тамъ спрятался Ранкъ, но послѣ его нашли въ Ямской Слободѣ, отвели въ Преображенское и держали тамъ въ тюрьмѣ, заковавъ въ желѣзо за шею, ноги и руки. Всѣ попытки освободить его остались безплодны, хотя и саксонскій резидентъ ген.-маіоръ Карловицъ предложилъ свою помощь (Ранкъ былъ освобожденъ изъ оковъ лишь 26 іюля 1700 года—и умеръ на слѣдующій день).

Въ то же время совѣщанія шли своимъ порядкомъ. Русскіе разсматривали привезенную послами королевскую конфирмацію и обсуждался проектъ подобнаго же документа (fulbordansbref) съ царской стороны. 20-го ноября послы имѣли прощальную аудіенцію, при чемъ передали царю королевскую конфирмацію и изъ его рукъ получили его „fulbordansbref“ и рекредитивъ. Прощальные подарки, соболя, переданные имъ 24-го, были не особенно цѣнны и не соответствовали тому, что получили предыдущіе послы.

На слѣдующій день послы были приглашены въ Преображенское смотрѣть ученіе Преображенскаго полка, при чемъ царь исполнялъ обязанности капитана бомбардирской роты. Послѣ ученія они были приглашены въ „сержантскую квартиру“ царя и тамъ, пока Его Величество былъ на улицѣ, устраивая какія-то дѣла этого полка, они сидѣли съ множествомъ русскихъ господъ безо всякаго порядка гдѣ попало, пока Его Царское Величество пришелъ самъ черезъ 1½ часа, когда г.г. послы встали, чтобы выразить ему свое почтеніе, то Его Царское Величество тотчасъ заставилъ ихъ снова сѣсть за столъ, такъ что г.г. посланники оказались сидящими посрединѣ противъ Его Царскаго Величества, имѣя по обѣимъ сторонамъ его бояръ. Часть кавалеровъ, бывшая съ ихъ превосходительствами, стояла подлѣ съ переводчикомъ и служила. Его Царское Величество выказалъ себя въ описанномъ случаѣ очень дружелюбнымъ и веселымъ; но онъ не желалъ, чтобы переводилъ переводчикъ Солданъ, но его собственный толмачъ, по имени Петръ Павловъ Шафировъ (Petr Paulofi Saffirofi). И когда время начало клониться къ ночи, г.г. посланники

встали и простились съ Его Царскимъ Величествомъ; тогда Его Царское Величество изъ особенной милости спросилъ, сколько имъ лѣтъ, что они сказали каждый за себя, а Его Величество записалъ въ своей книжкѣ и высчиталъ, что имъ всѣмъ вмѣстѣ 200 лѣтъ безъ одного года; затѣмъ, съ ихъ позволенія снялъ съ нихъ парики, чтобы видѣть, сѣдые ли у нихъ волоса, и когда дошелъ до его превосходительства г. Бергенъельма, поцѣловалъ его въ лобъ и обнялъ его“.

27-го ноября царь объявилъ, что будетъ у комиссара Книпера на Шведскомъ Дворѣ, и выразилъ желаніе „имѣть возможность еще разъ поговорить съ г.г. послами до ихъ отъѣзда“. Объ этомъ свиданіи, бывшемъ 28 ноября, въ протоколѣ посольства записано слѣдующее:

„Около полдня г.г. послы поѣхали въ данной имъ Его Королевскимъ Величествомъ каретѣ, и оба камергера каждый на своей приступкѣ, на Шведскій Дворъ, чтобы обѣдать тамъ вмѣстѣ съ Царемъ у торговаго агента Книпера. При ихъ прибытіи никого еще не было, кромѣ племянника Лефорта, носящаго званіе полковника, и брата воеводы Новгородскаго, Петра Матвѣевича Апраксина, который былъ съ царемъ подъ Азовомъ и служилъ подполковникомъ; оба они были проворные и ловкіе молодые люди, выказывавшіе къ г.г. посламъ большую вѣжливость, особенно послѣдній, который отъ имени своего брата-воеводы высказалъ особенное удовольствіе, что г.г. послы на первой своей аудіенціи у царя хвалили распоряженія названнаго воеводы для ихъ приѣма въ Новгородъ и незамедлительнаго отъѣзда оттуда.

Послѣ того, какъ провели около часа во всевозможныхъ разговорахъ, прибылъ также самъ царь и съ нимъ или тотчасъ послѣ него нѣкоторые бояре, какъ князь Михайло Алегуковичъ Черкасской, управлявшій Москвой во время отсутствія царя, фельдмаршалъ Шеинъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, князь Репнинъ, который поставилъ 200 драгунъ вокругъ квартиры пословъ, когда случилось несчастіе съ ихъ завѣдующимъ хозяйствомъ, полковникъ Блумбергъ, маіоръ, обучавшій въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ тѣмъ Преображенскій полкъ, и любимецъ царя Александръ Даниловъ Меньшиковъ.

Какъ только прибывшіе вошли въ залъ, царь съ боярами пошелъ въ спальню г. Книпера, гдѣ ихъ угощали водкой и канарскимъ виномъ (Canarie-Säck), но прочіе оставались въ

залѣ, получая такое же угощеніе, каковымъ воспользовались и г.г. послы при ихъ прибытіи.

Немного времени спустя царь и бояре снова вышли въ залу, гдѣ были поставлены два овальныхъ стола достаточной величины, одинъ уставленный рыбой и тѣми кушаньями, какія русскіе ѣдятъ во время ихъ постовъ, за которымъ сѣли царь съ боярами и другіе изъ его свиты; другой столъ былъ уставленъ хорошими и вкусно приготовленными кушаньями, какія обычны у нѣмцевъ и другихъ живущихъ тамъ иностранцевъ; этотъ столъ заняли г.г. послы, полковникъ Лефортъ, датскій комиссаръ Росенбускъ, каммергеры изъ легации и нѣкоторые другіе друзья Книпера. Вскорѣ послѣ того, какъ сѣли за столъ, началъ царскій шутъ (который всюду сопровождалъ его, высокаго роста и одѣтый въ красное платье) рѣзкими словами и обвиненіями прохаживаться насчетъ бояръ, которые мало или совсѣмъ не заботились и не принимали къ сердцу, какіе труды и работы принимаетъ Его Царское Величество для блага и пользы ихъ и всѣхъ его подданныхъ. Они оставались дома, веселились (*giorde sig gode dagar*) и собирали большія деньги и имѣнія, въ то время какъ Его Царское Величество терпѣлъ нужду и въ ѣдѣ, и въ питьѣ, проводилъ много утомительныхъ часовъ и даже не щадилъ своей жизни. Если бы съ Его Царскимъ Величествомъ (чего однако да избавить Господь) черезъ это случилось какое-нибудь несчастіе или постигла бы его смерть, то они по этому поводу скорѣе выражали бы радость, чѣмъ скорбь, и считали бы, что это хорошо, что имъ теперь можно дѣлать, что они сами хотятъ. Если они теперь представляются вѣрноподданными и послушными, кланяются и сгибаются, то это скорѣй происходитъ отъ страха и принужденія, чѣмъ по ихъ охотѣ и доброй волѣ. Его Царское Величество самъ можетъ достаточно замѣтить, насколько вѣрноподданныя и преданныя сердца имѣютъ они, когда они выказываютъ всяческую вялость (*tröghet*) въ поддержкѣ его въ дорогихъ военныхъ приготовленіяхъ, и еще въ другомъ, что ему приходилось дѣлать, несмотря на то, что у нихъ большія имѣнія, богатства (*härligheter*) и много денегъ. Онъ долго продолжалъ такіе и подобные разговоры; царь слушалъ ихъ, какъ не совсѣмъ невѣроятное, бросая взгляды то на одного, то на другого боярина, которые какъ въ столбнякѣ сидѣли совершенно молча и безгласно, пока наконецъ старый князь Михайло Алегуковичъ Черкасской набрался смѣлости и сказалъ, что онъ не знаетъ за собой ничего подоб-

наго, и такимъ образомъ надѣется, что прошелъ свою жизнь до нынѣшняго преклоннаго возраста такъ, что никто не въ правѣ обвинять его, что онъ что-либо упустилъ изъ того, чѣмъ онъ обязанъ къ Его Царскому Величеству, какъ предназначенному ему Богомъ государю. Если же кто-либо думаетъ быть его обвинителемъ, то онъ докажетъ свою невинность или въ противномъ случаѣ понесетъ заслуженное наказаніе. Въ такомъ же смыслѣ сказалъ нѣсколько словъ и воевода Шеинъ. Но хозяинъ Книперъ всячески постарался прекратить эти непріятные разговоры, подавъ вина и начавъ всевозможные тосты, какіе могли послужить, чтобы развеселить гостей, при чемъ прекратились прежнія непріятныя рѣчи и начались другія веселія. Самъ царь началъ тостъ за здоровье Его Королевскаго Величества, на что г.г. легаты начали тостъ за здоровье Его Царскаго Величества, но онъ не желалъ этого позволить, но они сначала должны были выпить за здоровье Его Королевскаго Величества, потомъ послѣдовалъ тостъ за царя и многіе тосты за королевскій и царскій дома. Въ это же время слышались литаврщики и трубачи посольства и при каждомъ тостѣ стрѣляли изъ 4-хъ орудій, поставленныхъ Книперомъ на дворѣ. Когда было подано третье блюдо, царь сказалъ: „Мы могли бы сѣсть поближе другъ къ другу“, и велѣлъ сдвинуть вмѣстѣ оба стола и сѣлъ за столъ г.г. легатовъ къ г. Бергенъельму, выказывая большую веселость и пускаясь во всевозможные веселые разговоры, пилъ за ихъ здоровье много разъ, и когда замѣтилъ, что г. Бергенъельмъ охотно бы уклонился отъ питья, онъ совершенно освободилъ его, сказавъ, чтобы онъ не пилъ больше того, сколько самъ хочетъ. Но обоихъ другихъ г.г. посланниковъ онъ положительно хотѣлъ перепить, и когда увидѣлъ, что пажъ взялъ стаканъ, который г. Линдъельмъ не допилъ до конца, онъ схватилъ со стола пшеничный хлѣбъ и бросилъ пажу въ голову, заставивъ его принести стаканъ обратно.

Когда на улицѣ стало совсѣмъ темно и наступилъ вечеръ, торговый агентъ (*commercielfactoren*) приказалъ жечь фейерверкъ, который въ теченіе долгаго времени готовили его сыновья съ однимъ артиллерійскимъ лейтенантомъ; онъ продолжался около часа и на него царь и всѣ присутствующіе смотрѣли съ большимъ удовольствіемъ.

Такъ какъ во время пребыванія г.г. пословъ въ Москвѣ дѣлались различные запросы о томъ, что они думаютъ дѣлать съ большой каретой, которая имъ подарена, и приставы до-

вольно ясно давали понять, что она для царя не годится, то г. г. послы рѣшили, въ виду невозможности отвезти ее обратно въ цѣлости, и т. к. здѣсь на мѣстѣ не было никого, кто сколько-нибудь интересовался бы ею, предложить ее наследнику (tzarerginsen), о чемъ попросили боярина Головина доложить Его Царскому Величеству, что онъ и сдѣлалъ, и это было очень хорошо принято.

Точно также подарили они лошадей отъ кареты боярину Головину, потому, что всегда было принято дарить что-либо главному члену конференціи, и при обратномъ пути, который надо было совершать поспѣшно и въ сильный морозъ, эти лошади не могли бы слѣдовать за ними. А также и Его Королевское Величество всемилостивѣйшимъ письмомъ къ г. г. посланникомъ отъ . . . . . (пропускъ) того же года далъ свое всемилостивѣйшее разрѣшеніе подарить кому-нибудь и карету, и лошадей.

Когда время протянулось до ночи, г. посланникъ Бергенъельмъ почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, и поэтому когда царь говорилъ разъ съ боярами, онъ воспользовался случаемъ, чтобы удалиться отъ компаніи, и отправился въ комнату, которая была рядомъ со столовой, и найдя тамъ хорошо приготовленную кровать, легъ на нее поверхъ одѣяла и заснулъ, что увидѣлъ его пажъ Пальмстраухъ, снялъ съ него парикъ и надѣлъ ему ночной колпакъ. Когда царь немного спустя хватился его и узналъ, что онъ въ комнатѣ, онъ пошелъ туда и разбудилъ его. Посланникъ, увидѣвъ царя, поторопился встать съ постели и потребовалъ отъ пажа парикъ, но царь вырвалъ его у пажа и самъ надѣлъ на посланника, выведя его такъ съ собой въ залу и сѣвъ за столъ въ томъ же порядкѣ, какъ прежде. Между тѣмъ г. посланникъ Гёте вышелъ, ища случая отправиться домой, но такъ какъ не было больше другихъ каретъ, кромѣ одного экипажа г. Бергенъельма, онъ со своими лакеями пошелъ пѣшкомъ домой въ темнотѣ. Когда переводчикъ Солданъ это узналъ, то приказалъ своему слугѣ взять сани, которыми пользовался онъ, переводчикъ, и постараться догнать г. посланника и такъ отвезти его на квартиру. Когда слуга вышелъ на дворъ, чтобы взять сани, онѣ оказались стоящими въ тѣснотѣ отъ многихъ саней позади саней Александра Меншикова, царскаго фаворита, и когда слуга Солдана пожелалъ, чтобы слуга Александра пропустилъ ихъ впередъ, тотъ въ этомъ отказалъ, утверждая, что не пропуститъ впередъ никого

изъ тѣхъ, кто позади саней его господина, раньше чѣмъ онъ самъ не подастъ саней. Послѣ того другіе могутъ слѣдовать, какъ имъ угодно. Но такъ какъ слуга переводчика сильно напиралъ, чтобы заставить подать сани, то изъ-за этого возникла сначала перебранка, а потомъ драка между слугами, и русскій вмѣстѣ съ другими бывшими тутъ слугами начали бить слугу переводчика, вытащили его шпагу и пытались сломать ее. Но такъ какъ клинокъ былъ такъ крѣпокъ, что не ломался, его сломали у самой рукоятки и бросили слугѣ, который былъ весь избитъ, чѣмъ русскій еще не удовольствовался, но побѣждалъ къ своему господину и пожаловался, что на него напалъ съ обнаженной шпагой слуга переводчика, о чемъ Александръ тотчасъ доложилъ царю, сидѣвшему за столомъ, и царь былъ не мало разгнѣванъ тѣмъ, что въ его присутствіи на дворѣ обнажили шпагу, что однако было сдѣлано не ея владѣльцемъ, но его врагомъ, какъ упомянуто выше. Поэтому онъ грозно посмотрѣлъ на Солдана, стоявшаго у стола, чтобы переводить, и набросился на него съ ругательствомъ и вытащилъ свою саблю, бывшую у него сбоку, стуча кулакомъ по столу, такъ что если бы переводчикъ тотчасъ не ретировался, то навѣрное произошло бы какое-нибудь несчастіе.

Оба оставшихся г.г. легата пытались успокоить добрыми словами царя, который былъ чрезвычайно разгнѣванъ, предлагая тотчасъ велѣть разслѣдовать, въ чемъ виноватъ слуга, и если это окажется, то онъ будетъ за это подобающимъ образомъ наказанъ. Но сначала это не имѣло никакого значенія, но царь вышелъ вонъ и сошелъ на дворъ, чтобы узнать дальше, какъ было дѣло, куда г.г. посланники охотно также отправились бы, но, такъ какъ изъ-за этого происшествія ихъ переводчикъ сдѣлался для нихъ бесполезенъ, а они не понимали, что говорили русскіе, то они и остались наверху въ залѣ. Но пока царь былъ на дворѣ, полковникъ Блумбергъ попробовалъ смягчить его, говоря, что слуга переводчика совсѣмъ не виноватъ, а виноватъ Александровъ, что царю очень не понравилось, и онъ рѣзко сказалъ полковнику: „Ты долженъ бы быть со мной и моими, а теперь ты противъ“. Полковникъ затѣмъ вечеромъ больше не долженъ былъ показываться, но далъ знать г.г. посланникамъ, что изъ-за нихъ онъ попалъ въ немилость у царя. Когда царь снова пришелъ со двора въ залу, онъ принесъ съ собой сломанную шпагу и бросилъ ее на столъ, выражая великій гнѣвъ, что не побоя-

лись обнажить шпагу въ его присутствіи. Г.г. легаты теперь пробовали, какъ раньше, успокоить его гнѣвъ, обѣщая, что если слуга окажется виноватымъ, то онъ не останется безнаказаннымъ, но говорили также, что если вина окажется на другой сторонѣ, то Его Царское Величество точно также со-благоволить подобающимъ образомъ строго наказать виновныхъ. Послѣ того царь еще посидѣлъ нѣкоторое время и затѣмъ дружески простился съ г.г. посланниками, и уѣхалъ въ Преображенское. Но они отправились домой по своимъ квартирамъ и предались ночному покою, насколько позволили имъ мысли объ этомъ непріятномъ происшествіи. Потому что представлялось, какія затрудненія имъ причинило въ началѣ ихъ переговоровъ несчастіе, случившееся съ маршаломъ, изъ-за чего они еще не могли достигнуть желаемого. А теперь въ концѣ случилось еще въ добавленіе это, что доставитъ не малую радость врагамъ Швеціи.

Послы теперь болѣе чѣмъ когда-либо жаждали выбраться изъ опасной Москвы и все приготовили къ отъѣзду, когда 1 декабря графъ Головинъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ на завтра: „Такъ пожелалъ Царь“. „Сатана въ послѣдній разъ вырвался на волю“, говорилъ Головинъ, и сдѣлалъ нѣсколько непріятнымъ собраніе, которое весь день было очень весело“. Онъ прибавилъ, что царю это очень непріятно и онъ желаетъ самымъ дружескимъ и веселымъ образомъ проститься съ посланниками. Объ обѣдѣ, который по случаю Рождественскаго поста состоялъ лишь изъ закуски изъ рыбы, конфектъ и фруктовъ, посланники, между прочимъ, рассказываютъ слѣдующее:

„Послѣ тостовъ за членовъ Королевскаго и Царскаго семействъ, время проходило среди прекрасной вокальной и инструментальной музыки и дружеской бесѣды, съ различными пожеланіями счастья и питьемъ тостовъ, при чемъ г.г. послы, каждый въ отдѣльности, точно также не забывались. Наконецъ, царь спросилъ, какой дорогой послы думаютъ ѣхать? Когда они сказали, что черезъ Нарву и такъ кругомъ по сѣверу, то онъ сказалъ, что это довольно длинная дорога для такихъ стариковъ. Онъ велъ вообще много (фамиллярныхъ) разговоровъ; сначала—какъ длинна дорога, послѣ того какъ мы переѣдемъ границу Его Королевскаго Величества? И когда мы на это отвѣтили, что отъ границы до Стокгольма свыше 220 или 230 шведскихъ миль, которыя длиннѣе здѣшнихъ, то Его Царское Величество спросилъ, вся ли эта страна заселена?

и былъ очень доволенъ, когда мы сказали, что тамъ, конечно, есть нѣкоторыя лѣса, но остальная земля хорошо населена. Потомъ Его Царское Величество говорилъ о вооруженіи Франціи и о претензіяхъ на испанскую корону, а кромѣ того говорилъ о кораблестроеніи, при чемъ Его Царское Величество на столѣ собственноручно начертилъ чертежъ для опредѣленія мѣста корабля на морѣ. Но послѣ того, какъ Его Царское Величество не нашель его вполне правильнымъ, сдѣлалъ онъ другой по масштабу, напомнилъ также о своемъ прежнемъ желаніи получить чертежъ корабля Его Королевскаго Величества, и такъ многими способами выказывалъ себя очень дружелюбнымъ и ласковымъ, безъ того чтобы на этотъ разъ принуждать кого-нибудь пить болѣе, чѣмъ тотъ самъ хочетъ. И наконецъ часовъ въ 9 или немного позже онъ окончательно простился съ нами, пожелавъ намъ счастливаго пути, сказавъ, что хотя при прощальной аудіенціи онъ, конечно, приказалъ передать Вашему Королевскому Величеству его дружеское привѣтствіе, но онъ желалъ еще разъ сдѣлать это, такъ что мы, наконецъ, разстались съ Его Царскимъ Величествомъ съ величайшимъ удовольствіемъ (*fagnad*), честью и удовлетвореніемъ (*förgnöyelse*) болѣе чѣмъ испытало когда-либо прежде какое-либо посольство". (Всеподданнѣйшее письмо пословъ изъ Новгорода отъ 14 декабря 1699 г.).

На другой день, 3 декабря, послы начали свой обратный путь. Линдъельмъ остался на своемъ посту въ Выборгѣ, но Бергенъельмъ и Гёте прибыли 19 февраля въ Стокгольмъ, гдѣ на слѣдующій день во время аудіенціи передали королю рекредитивъ и отвѣтную грамоту.

Перевель со шведскаго **А. В. Полторацкій.**